

начном счете к утверждению «божественности человека» в теистически понимаемом мироздании, и антропоцентризм русской реалистической литературы XIX в., сосредоточенной на утверждении первоценности человека в социальном мире.

Антропоцентризм русской реалистической литературы — это прежде всего ее глубокая человечность с ярко выраженной социальной константой. А ведь человечность становилась убывающим качеством духовной культуры в ходе капиталистического развития, от которого неотделимы процессы отчуждения человека и дегуманизации жизни, нередко проявляющиеся и в неочевидных, «замаскированных» формах. Для Т. Манна и других западных писателей XX в. особенная притягательная сила русской литературы заключалась именно в том, что она всегда оставалась в «сфере человеческого».

От этого своеобразного антропоцентризма в русском реализме неотделимо утверждение духовно-нравственной сущности человека, неуловимой в различных «научных» системах координат. Вовсе не отрывая человека от социальной среды, глубоко и тонко раскрывая их диалектическую взаимосвязь, русские реалисты вместе с тем убедительно показывали, что человек несводим ни к воздействиям среды, ни к биологической природе. Можно сказать, что человек у них сохраняет ренессансную духовно-нравственную суверенность, сохраняет независимо от социального ранга. Это и позволяло Гоголю питать надежду, что ему удастся воскресить «мертвые души» в последней части неоконченной поэмы; отсюда же поразительная амбивалентность многих героев Достоевского, неустанные поиски смысла жизни героев Л. Толстого и т. д. Сводимость к среде у русских реалистов — отрицательное свойство, присущее персонажам негативного плана и человеческим посредственностям.

Признавая духовно-нравственную суверенность личности, русские реалисты тем самым поднимали ее над предметно-материальным миром и окружающей средой — черта, в чем-то сближающая их с литературой Возрождения и в то же время выделяющая на фоне западной реалистической литературы, где все определеннее заявлял о себе принцип детерминированности человека социальными и биологическими факторами.

Характерное свойство русского реализма заключается и в том, что все проблемы и явления жизни он был склонен соотносить со сферой нравственного и преломлять в нравственной проблематике. В научной литературе уже отмечалось, что в этом наиболее ощутимо проявилось кардинальное расхождение между русским и французским реализмом [7, с. 412]. В то же время русский реализм сближается с английским, который на первый план выдвигал этические задачи, акцентировал моральную сторону изображаемых жизненных явлений, хотя несомненны и существенные различия между ними. Нравственный максимализм русских реалистов, их беспрестанные духовно-нравственные искания, их беспокойно-напряженный интерес к «последним вопросам» бытия принципиально отличен от традиционно-моралистических установок английских писателей.

Охарактеризованные доминанты национальных культур во многом обусловили и особенности контактов между реалистическими литературами XIX в.

Несомненно, взаимосвязи русской и французской литератур в прошлом столетии были очень широкими, разнообразными и интенсивными, о чем недавно напомнил Г. М. Фридлендер в специальной статье. По словам исследователя, «ни с одной из иноязычных западноевропейских литератур XIX в. развитие русской литературы не было так тесно связано, как с развитием французской литературы» [18, с. 89]. Думается, утверждение это не свободно от излишней категоричности: не менее активными были тогда связи русской литературы с английской; вспомним хотя бы выдающуюся роль Шекспира, Байрона, Вальтера Скотта и Диккенса в русской литературной жизни прошлого века, с которой не может срав-